

АЛЕКСАНДР АКИНЬШИН

ПЕРВОЕ СТУДЕНЧЕСТВО ВОРОНЕЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

АРХИВНАЯ МОЗАИКА – 2

Настоящая публикация является продолжением очерка с таким же названием, напечатанного в нашем альманахе № 6 за 2013 год. В этот раз здесь меньше свидетельств о внутриуниверситетских делах, поскольку выбранные личные дела студентов состоят всего из двух-трех листочков. Зато нынешние персонажи любопытны своей дальнейшей судьбой, раскрытой по другим источникам. Среди персонажей, так уж получилось, преобладают гуманитарии.

Американский профессор-океанограф Дэн (Даниил) Паншин (1938–2014) в 1990-е годы не раз приезжал в Воронеж, на родину своего отца Алексея Ивановича Паньшина, начинавшего учебу в ВГУ. Вот оно, студенческое дело А. Паньшина. Он родился 5 октября 1901 года в купеческой семье, окончил 1-ю мужскую гимназию и в сентябре 1918 года подал документы на математическое отделение физико-математического факультета (приписка: если нет вакансий – то зачислить на юридический или историко-филологический). В конце декабря просил перевести на естественное отделение. Жил он на Кольцовской улице, в доме Паньшиных под номером 52 (нынешний номер этого дома – 62). Прочитал на физмате один год (ГАВО. Ф. Р-33. Оп. 3. Д. 13817), а в октябре 1919 года вступил в армию генерала А.И. Деникина и вместе с нею покинул Воронеж. Служил в Белой армии до 1921 года. После долгих странствий в 1923 году оказался в США, где окончил Нью-Йоркский колледж лесного хозяйства. Автор ряда книг и статей по технологии обработки дерева. Написал воспоминания «Говори все, что знаешь. Воспоминания русского старика», начальные главы которых – о Воронеже, о семье Паньшиных, прошедших путь от ямщиков до купцов. Умер 17 января 1993 года в городе Холт, штат Мичиган.

Сын пытался перевести его воспоминания на русский язык и издать их, но так и не преуспел в этом. Английский оригинал сохранился в архивном фонде О.Г. Ласунского (ГАВО. Ф. 3293. Оп. 1. Д. 3253, 3254).

В воспоминаниях известного архитектора Николая Троицкого (1900–1984), окончившего реальное училище в Воронеже, не раз упоминается священник домово́й церкви и учитель Закона Божия этого училища Тихон Крутиков (1867–1918). По материнской линии он приходился племянником епископу Тамбовскому Феофану Затворнику, причисленному к лику святых. Мельком Троицкий говорит и о своем сверстнике, поповиче Георгии, тоже ставшем архитектором. Один из трех детей Тихона Александровича Крутикова и его жены Анны Феофиловны (урожденной Макаревич) Георгий родился 4 апреля 1899 года, крещен во Введенской церкви. Окончил первую мужскую гимназию в 1917 году с серебряной медалью. В октябре 1918 года подал прошение на физико-математический факультет ВГУ (Ф. Р-33. Оп. 3. Д. 13000). Учился Георгий Крутиков здесь недолго, хотя и оставался в Воронеже до 1922 года. В годы Гражданской войны санитаром боролся с эпидемиями, был телеграфистом в управлении военных сообщений Южного фронта. Строгого математика или физика-экспериментатора

Алексей Иванович
Паншин

Георгий Тихонович
Крутиков

Евгения Иосифовна
Подтынникова

одолеет в его душе художник. Он принимал участие в создании в Воронеже Свободных художественных мастерских. Сам Георгий уехал в столицу, там окончил архитектурный факультет Высшего художественно-технического института. Дипломный проект Крутикова «Город будущего» иначе назывался «Летающий город». Он стал довольно известным зодчим, занимался охраной столичных памятников. В 1924 году женился на Клавдии Васильевне Пикторской (1903–1988), младшей сестре Лидии Пикторской – одной из наших героинь. Умер 3 марта 1958 года в Москве, похоронен на Введенском кладбище (Голубева И.В. Архитектор Георгий Тихонович Крутиков. Ялта, 2000).

Биографических сведений о *Евгении Иосифовне Подтынниковой* совсем немного. Родилась в селе Старая Ольшанка Землянского уезда 1 ноября 1890 года, окончила Мариинскую женскую гимназию, поступила в Московский коммерческий институт. Осенью 1918 года возвратилась на родину и подала прошение на юридический факультет ВГУ, мотивируя свой переезд тем, что «при создавшемся положении не могу жить в Москве» (Ф. Р-33. Оп. 3. Д. 15971). В 1922 году вместе с большой группой старых интеллигентов ходатайствовала о возрождении Общества народных университетов, существовавшего в Воронеже с 1907 года. Новая власть в просвещении народа по старым лекалам не особо нуждалась и отказала в регистрации общества: среди ходатаев оказалось немало политически неблагонадежных лиц. Больше о Е.И. Подтынниковой мы ничего не знаем. Есть лишь упоминание о том, что

старший брат ее, Федор Иосифович, в 1930 году был доцентом Московского института народного хозяйства. До этого он жил в Перми, где выпустил книгу «Кооперация и статистика» (1918).

В октябре 1918 года на историческое отделение историко-филологического факультета подали заявление *Дмитрий и Лидия Крапивины* (Ф. Р-33. Оп. 3. Д. 496, 500). Дмитрий предъявил метрику: родился 27 сентября 1892 года в семье мещанина Григория Федоровича Крапивина и Доменики Иосифовны, урожденной Епифановой. Лидия родилась 4 января 1901 года. Стало понятно, что это племянники художницы Вассы Епифановой, жены Александра Бучкури. После смерти в 1909 году мужа Доменика Крапивина жила у его родственников на Логовой улице, 8. Ныне эта улица носит имя Бучкури.

Лидия окончила университет в 1922 году и далее её следы затерялись. Дмитрию не впервой было садиться на студенческую скамью. В 1911 году он поступил на историко-филологический факультет Московского университета, учился там до Первой мировой войны. После окончания войны решил завершить свое образование. Долго ли продолжалась его студенческая жизнь на этот раз? Как пережил он события Гражданской войны? Я не знаю.

Дмитрий Крапивин значится в числе авторов «Воронежского кооперативного календаря» на 1919 и 1920 годы, который иллюстрировал А.А. Бучкури. Впрочем, это был не первый литературный опыт молодого филолога. Ещё в 1914 году в местном альманахе «Проселочные дороги» (редактор-состави-

Дмитрий Григорьевич
Крапивин

Петр Иванович
Копытин

Мария Александровна
Паренего

тель Георгий Фомин) увидели свет его разыскания о творчестве И.С. Никитина. Дмитрий принимал участие в работе над библиографическим указателем «Woronica» (1919).

В 20–30-е годы Д.Г. Крапивин работал в Сельскохозяйственном институте. Зная его художница Людмила Ивановна Бабанина говорила о нем как о страстном коллекционере, собирателе старинных книг и предметов антиквариата. Архивных и печатных источников о его жизни найти не удалось. В списках репрессированных он не значится. Эвакуироваться из Воронежа Дмитрий Григорьевич не успел. Говорят, он был расстрелян вместе с матерью, теткой и её мужем, художником Бучкури. Обстоятельства их гибели до сих пор не выяснены.

О *Петре Ивановиче Копытине* мне в письмах рассказывала его жена, Ксения Владимировна Самбурская (1908–1997), которая жила в Евпатории («строг и монолитен / Петр Копытин»). В 1930-е годы она работала в университетской, затем в мединститутской библиотеке. Замужем была с 1927 года. Петр Копытин родился в селе Рождественская Хава Воронежского уезда 28 мая 1900 года в семье сапожника и сам был обучен этому мастерству. Полгода служил в Красной Армии: в штабе 8-й армии и в штабе 40-й стрелковой дивизии. Тем не менее успел получить среднее образование («учился во II ступени 4 группе») (Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 710). В 1921 году заведовал инструкторским подотделом Губернского профсоюза работников просвещения. В августе 1921 года подал заявление на экономическое отделение факультета общественных

наук «на цикл “организация промышленности”». Не очень надеясь на свои знания, он просил родной профсоюз ходатайствовать перед ректоратом университета о его приеме. Губрабпрос такое письмо в ректорат ВГУ направил. Копытин был принят (Ф. Р-33. Оп. 3. Д. 10396). После окончания университета Петр Иванович преподавал обществоведение в 7-й городской школе II-й ступени, одновременно продолжал заведовать культпросветработой в профсоюзном ведомстве. В 1930-е годы Копытин работал в губернском плановом отделе и преподавал в Планово-экономическом институте, который размещался на улице Студенческой. Его коллегой был профессор А.Н. Татарчуков (см. первый очерк об университетском студенчестве в № 6 за 2013 год). В соавторстве с П.Н. Косцовым Петр Иванович выпустил две книги: «Промышленный комбинат КМА» (1932) и «Пути промышленного развития ЦЧО» (1934). Ранее он сообщал, что готовит к изданию «очерки по профдвижению просвещенцев Воронежской губернии» (не изданы). 15 мая 1936 года П.И. Копытин был арестован, полтора года спустя получил десять лет лагерей. Сидел в Каргополе, по окончании срока сослан в Туруханский район Красноярского края. Работал десятником в райкомхозе. 13 августа 1952 года вновь арестован, а 17 августа по обвинению в антисоветской агитации получил 25 лет лагерей. В Воронеж вернулся в 1955 году. В августе 1956 года реабилитирован. Десять лет были вычеркнуты из жизни, да и сама жизнь-то сохранил чудом. Умер в мае 1967 года в Воронеже. Дочь П.И. Копытина и К.В. Самбурской, Людмила

Тихомирова, опубликовала в журнале «Подъем» (1998, № 7–8) мемуарный очерк «Рассказы бабушки и внушки».

В первый год работы ВГУ социальным происхождением потенциальных студентов особо не интересовались. Более того, с точки зрения профессуры, дети дворян и священников, закончившие гимназию или семинарию, гораздо легче постигали премудрости высших наук. 9 октября 1918 года на историко-филологический факультет подала прошение *Мария Александровна Паренаго*, обитавшая в доме Агафонова по Венецкой улице (Ф. Р-33. Оп. 3. Д. 709). Она родилась в старинной дворянской семье 24 мая 1899 года, крещена в Тихоновской церкви пригородного села Подгорное. Родители: отставной прапорщик Александр Васильевич Паренаго, мать – Антонина Андреевна (ГАВО. Ф. И-29. Оп. 137. Д. 42). Восприемником при крещении девицы Марии был князь Михаил Аполлонович Волконский, её двоюродный брат. Паренаго-старшему с 1894 года принадлежал дом на Большой Дворянской (в 1914–1916 годах там размещался «новый женевский магазин “Шифф”»). К осени 1918 года его, похоже, уже национализировали. В 1916 году Мария Паренаго окончила женскую гимназию А.М. Нечаевой. Мировая война помешала поездке в одну из столиц для продолжения обучения на Высших женских курсах. А тут – рядом открылся университет, а девушек всегда привлекала филология... Наверное, стала учительницей, может быть, даже успела сменить столь необычную фамилию на Степанову или Титову и не попала тогда в «ежовые рукавицы».

В сентябре 1918 года заявление на историческое отделение историко-филологического факультета подал ещё один дворянский отпрыск. Это был *Виталий Семенович Ярцев*. Он родился 12 апреля 1895 года в селе Глушицы Задонского уезда. В 1912 году окончил Воронежский кадетский корпус, в 1914 – Александровское военное училище. Участвовал в Первой мировой войне, воевал в 25-м Смоленском пехотном полку. 4 марта 1917 года награжден Георгиевским оружием. Его младший брат Павел, подпоручик, погиб на фронте 15 апреля 1916 года. Виталий Ярцев рано проявил интерес к истории местного края. В 1912 году он подготовил несколько очерков для книги «Воронежское дворянство в Отечественную войну». В июле 1914 года был избран членом Воронежской ученой архивной комиссии. Вот как это прокомментировал известный краевед Василий Литвинов в письме в Острогжск к Михаилу Ивченко: «... избрали безусого подпоручика Ярцева, который через два дня после этого отправился на театр военных действий.

Избрали его ввиду некоторых его работ по музею и чтобы сделать ему приятное при отъезде на войну». На заседании Архивной комиссии в марте 1915 года С.Е. Зверев прочитал сообщение «Дневник офицера В.С. Ярцева за июль-декабрь 1914 г. на театре военных действий». 23 октября 1915 года Ярцев сам присутствовал на заседании Комиссии и выступил с докладом. Немудрено, что демобилизовавшись в чине капитана и поступив в университет (Ф. Р-33. Оп. 3. Д. 1059), Виталий Ярцев сразу же стал сотрудничать с губернским музеем. Осенью 1919 года он занимал должность хранителя музея, а техническим сотрудником музея был его младший брат Николай. 10 октября 1919 года музей посетил командир белоказачьего корпуса генерал-лейтенант А.Г. Шкуро. «Зал был убран множеством полковых знамен, спасенных музеем в большевистский период. Генерал заинтересовался обилием военно-исторического материала в музее, внимательно выслушав объяснения хранителя музея капитана В.С. Ярцева, предложил ему по поводу воинских знамен сделать письменный доклад и обещал со своей стороны пополнить отдел освобождения Воронежа от советской власти военными трофеями, и тут же отдал распоряжение командиру кавказского конно-артиллерийского дивизиона полковнику Сейделер о передаче в этот отдел отбитой у большевиков пушки» (Генерал Шкуро в губернском музее // Воронежский телеграф. 1919. 29 сент. (12 окт.)). Безопасно ли было после этого события оставаться Ярцеву в Воронеже? Он покинул город вместе с белыми. Дальнейшие его следы затерялись.

Из дворянской семьи происходил и *Николай Владимирович Томановский*. Семья была достаточно приметной: отец, Владимир Николаевич, – многолетний председатель губернской земской управы, член Государственного совета с 1915 года, комиссар Временного правительства в марте-июле 1917 года. Правда, новая власть отнеслась к нему лояльно, и он в 1918 году занял должность заведующего административно-фискальным подотделом губернского финансового отдела. Сын родился 1 апреля 1893 года в селе Калабино Землянского уезда. В 1911 году с золотой медалью окончил полный курс мужской гимназии в Воронеже. 25 ноября 1918 года подал прошение на историческое отделение историко-филологического факультета (Ф. Р-33. Оп. 3. Д. 935). В это время он был сотрудником губернского музея. В отделе редких книг Никитинской библиотеки есть «Книга для чтения по истории средних веков» (М., 1903) под редакцией П.Г. Виноградова с владельческим штемпелем Н.В. Томановского. О том, что делал между 1911 и 1918 годом Тома-

новский, в своем прошении он ничего не сообщает. В «Памятной книжке Воронежской губернии» на 1914 г. появился перевод с немецкого языка фрагмента труда естествоиспытателя Иоганна Гюльденштедта, выполненный Н.В. Томановским и Т.И. Поповым. Они названы студентами-биологами Петербургского университета. В Первую мировую войну, надо полагать, воевал в чине младшего офицера. По крайней мере, в анкете он пишет, что уволен со службы по демобилизации.

Воронеж Николай Владимирович покинул вместе с родителями в октябре 1919 года с корпусом генерала Шкуро. Томановские оказались в Сербии. Владимир Николаевич умер 31 мая 1923 года, его жена Лидия Борисовна, урожденная Богушевская, умерла 8 декабря 1926 года в городе Панчево, под Белградом. Судьба их сына неизвестна.

Дворянином был и Александр Федорович Фаленберг. Фамилия эта небезызвестная. Декабрист Петр Иванович Фаленберг был родным братом прадеда нашего героя. Александр родился в Оренбурге 12 октября 1897 года в семье подпоручика Белебеевского резервного батальона Федора Александровича Фаленберга и Екатерины Николаевны. Выйдя в отставку в чине поручика, в 1900 году глава семьи переехал в родной Воронеж и занял должность земского начальника 4-го участка Воронежского уезда. Александр в 1907 году поступил во 2-ю мужскую гимназию и в 1916 году окончил полный восьмилетний курс обучения. Едва успев поступить на юридический факультет Харьковского университета, он был призван в армию и направлен в Тифлисскую школу прапорщиков, которую окончил 15 апреля 1917 года. Его направили в 59-й пехотный запасной полк, вскоре переименованный в 5-й пулеметный полк, расквартированный в Воронеже. Но служба здесь была недолгой. В мае 1917 года прапорщик Фаленберг был командирован на Румынский фронт в распоряжение штаба 13-й дивизии, в сентябре был эвакуирован по болезни. В боевых действиях участия не принимал. Жил в Воронеже с родителями по адресу: ул. Карла Маркса, 17. В августе 1918 года Александр Федорович был мобилизован в Красную Армию. Службу окончил в конце февраля 1922 года в должности уполномоченного по расквартированию войск Кавказской трудовой армии и коменданта штаба армии. За службу в Красной Армии, как и герой фильма «Офицеры», был награжден девятью аршинами шелковой материи и белым мехом. К этому времени он был уже женат на Лидии Валентиновне Рево.

Вновь возвратившись в Воронеж, Фаленберг в конце августа 1922 года подал прошение о зачисле-

нии его на правовое отделение факультета общественных наук ВГУ (Ф. Р-33. Оп. 3. Д. 10741). 18 августа 1923 года ввиду ликвидации ФОНа просил перевести на общественно-историческое отделение педфака (Ф. Р-33. Оп. 3. Д. 11199). На этом его студенческие дела обрываются. Однако известно, что он обучение не закончил, трудился экономистом. 4 февраля 1938 года был арестован в Воронеже. Отец его в это время работал агрономом и жил в Сухуми, мать жила в Москве. Александр Федорович был женат второй раз на Евгении Иосифовне Кулаковской, у них был 12-летний сын Владимир. Обвинение было стандартным – антисоветская агитация, приговор – 10 лет лагерей (ГАОПИ ВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. 1653). Сведения московского историка С.В. Волкова о том, что бывший земский начальник Федор Александрович Фаленберг был расстрелян большевиками в Воронеже 8 октября 1918 года, неверны.

Желание завершить образование на историко-филологическом факультете ВГУ выразила Лидия Васильевна Пикторская. Прошение она подала 4 сентября 1918 года (Ф. Р-33. Оп. 3. Д. 731а). По происхождению – из дворян, хотя её отец, Василий Никанорович Пикторский, не владел имением, а был церковнослужителем, псаломщиком в церкви Михаила Архангела в Кадетском корпусе. В этой же церкви её крестил настоятель, Стефан Егорович Зверев (родилась Лидия 21 марта 1897 года). Дружеские связи семей Зверевых и Пикторских сохранились надолго. Член-корреспондент Академии наук, астроном Митрофан Степанович Зверев в 1985 году благодарил сестер Лидии, Марию и Клавдию Пикторских за помощь в написании воспоминаний об отце.

Училась Лидия в Мариинской гимназии, в 1915 году окончила 8-й дополнительный класс с правами домашней учительницы (Ф. И-71. Оп. 2. Д. 2558). В том же 1915 году поступила на историко-филологический факультет Московских высших женских курсов. Подавая документы в ВГУ, слушательница курсов Л.В. Пикторская просила зачесть сданные ею в течение трех лет учебы предметы. В сентябре 1918 года церковь упраздненного кадетского корпуса ещё действовала, и семья псаломщика жила в прежней квартире. Свой адрес Лидия Пикторская указала так: «Воронежский государственный университет (бывший Кадетской корпус)». У студентки сразу же проявилась тяга к театру. Параллельно с учебой в начале 1920-х годов она работала в студийном театре Губоно. Затем в профессиональных провинциальных театрах в Туле, Красноводске, с конца 1930-х – в Ашхабаде, где стала заслуженной

Виталий Семёнович
Ярцев

Николай Владимирович
Томановский

Лидия Васильевна
Пикторская

артисткой Туркменской ССР. В 1950–1953 году Лидия Пикторская играла в Одесском драматическом театре Советской армии. Здесь в 1952 году она стала лауреатом Сталинской премии третьей степени за роль в спектакле «Прага остается моей» по пьесе Ю. Буряковского. С 1954 года – во Львовском русском драматическом театре. Во Львове она и умерла в 1957 году. В этом же году на экраны вышел фильм «Павел Корчагин» режиссеров Александра Алова и Владимира Наумова, где она снялась в роли матери Корчагина, которого играл Василий Лановой.

Гражданская война, голод, разруха заставили многих воронежцев возвратиться домой из Москвы и Петрограда. Среди таких возвращенцев была Зоя Васильевна Яковлева. Она родилась 17 декабря 1893 года в купеческой семье. Отец, Василий Николаевич (1850 – после 1917), производил обувь и торговал ею. Её племянник Юрий Васильевич Яковлев (1926–2013) стал народным артистом СССР. Окончив гимназию В.Л. Степанцовой с золотой медалью в 1911 году, Зоя Яковлева поступила на историко-филологический факультет Бестужевских курсов. К 1918 году курсы были реорганизованы в Третий Петроградский университет. 1 февраля 1919 года она подает прошение о переводе на историческое отделение истфилфака в родной город (Ф. Р-33. Оп. 3. Д. 1047). Возвращение состоялось. Яковлева провела в университете два года. Истфилфак был реорганизован в факультет общественных наук. В течение двух лет (1919–1921) она была научным сотрудником губархива (Ф. Р-441. Оп. 2. Д. 69), работала и в краеведческом музее. Уволи-

лась «ввиду необходимости выехать в Петроград для окончания образования». В 1924 году окончила Ленинградский институт живых восточных языков, специализировалась на изучении китайского языка. В течение четырех лет работала переводчиком в советском консульстве в г. Чугучак (Джунгария, Китай). Участвовала в работе над китайско-русским словарем в Ленинградском восточном институте. С 1930 года – научный сотрудник Музея антропологии и этнографии. Работала над кандидатской диссертацией «Опыт социальной характеристики народов Бохая». В январе 1938 года как жена расстрелянного монголоведа (ЧСИР – член семьи изменника Родины) Владимира Казакевича выслана в Среднюю Азию. Умерла 9 мая 1940 года в Самарканде. Большие замыслы и устремления историка, этнографа и переводчика остались нереализованными.

Заявления в университет подавали и недоучившиеся гимназисты и «реалисты». В принципе завершённое среднее образование в тот момент и не требовалось. Так, 4 сентября 1918 года на историческое отделение истфилфака пожелал поступить Константин Васильевич Михнюк, учащийся 1-го Воронежского реального училища (Ф. Р-33. Оп. 3. Д. 620). Сын ветеринарного врача, он родился в феврале 1899 года в городе Бирюче. Отец рано умер, мать, Марфу Васильевну, он похоронил сам в октябре 1923 года на Чугуновском кладбище. О Михнюке вспоминал известный архитектор Николай Троицкий: «Я ещё и сегодня помню некоторых своих товарищей по классу. Например <...> Михнюка Константина, отличного рисовальщика, сделавшегося

Зоя Васильевна
Яковлева

Константин Васильевич
Михнюк

Николай Владимирович
Чехов

журналистом, фотографом и художником воронежской газеты «Коммуна». Нашлось место К. Михнюку и в повести Владимира Кораблинова «Азорские острова»: «Впоследствии он войдет в историю воронежской печати двадцатых годов как первый фоторепортер, как автор знаменитого портрета И.В. Мичурина. В девятнадцатом же Костя играл на скрипке, писал чувствительные, под Вертинского, стихи и всерьез собирался сделаться художником». 27 октября 1918 года Михнюку был выдан студенческий («входной») билет. Однако вряд ли он долго проучился в университете, поскольку перешел в художественные мастерские. С 1922 года он работал в газете сначала художником-ретушером, резал клише на линолеуме, потом был фоторепортером. В начале 1930-х годов вместе с женой Валентиной Васильевной, урожденной Эннатской, уехал в Москву. Работал в разных журналах и газетах, начинал в «Крестьянской газете» (Силин В.В. Летописцы из «Коммуны». Воронеж, 2007. С. 163–164). Перед войной перебрался на станцию Загорянская по Ярославской железной дороге. Был на фронте. Умер 25 августа 1979 года.

Удивительно, но студентами становились и взрослые люди, уже имевшие высшее образование и значительный опыт работы. Одним из таких персонажей был педагог *Николай Владимирович Чехов*. Он заведовал педагогическими курсами губоно, соответствующее удостоверение подписали член коллегии М. Белорусец и секретарь А. Кардашева. Прошение Чехов подал 5 сентября 1918 года на историко-филологический факультет (Ф. Р-33.

Оп. 3. Д. 1005). Домашний адрес: ул. Перелешинская, 2. Из приложенных документов известно, что он родился в Петербурге 15 июня 1865 года в семье ординатора 2-го военно-сухопутного госпиталя Владимира Николаевича Чехова и Людмилы Александровны. Восприемниками при крещении в церкви Иконы Смоленской Божией Матери при Медико-хирургической академии были отставной коллежский советник, дед младенца Николай Стефанович Чехов (ок. 1803–1868), бывший преподаватель Воронежской семинарии, и фрейлина императорского двора Елизавета Николаевна Петрищева (1816–1884). Копия диплома свидетельствовала, что Н.В. Чехов окончил в 1888 году историко-филологический факультет Петербургского университета со степенью кандидата (то есть с отличием). С 1916 года Николай Владимирович жил в Воронеже. Заведовал курсами, участвовал в работе Общества народных университетов, во многих общественных и культурно-просветительских организациях. В 1917 году избран гласным губернского земского собрания от города Воронежа и даже вошел в управу как уполномоченный по делам народного образования. Летом того же года стал гласным городской думы от блока трудовой народно-социалистической партии и украинской группы эсеров и социал-демократов и был даже избран председателем городской думы. Будучи искренним сторонником Временного правительства, осенью 1917 года баллотировался в Учредительное собрание от Трудовой народно-социалистической партии. Н.В. Чехов был автором двух десятков книг по педагогике. В общем, это был вполне состояв-

Тихон Митрофанович
Олейников

Иван Митрофанович
Олейников

шийся ученый и общественный деятель; непонятно, зачем ему потребовался студенческий билет, в то время как он вполне мог стать профессором того же университета? Кстати, в 1919 году он читал лекции в Педагогическом советском институте (Ласунский О.Г. Из минувшего-2. Н.В. Чехов : педагог, лектор, публицист // Из истории воронежского края. Вып. 17. Воронеж, 2010. С. 47–51).

Примечательна дальнейшая судьба Н.В. Чехова. Понятно, что идеологических «прегрешений», с точки зрения новой власти, за ним в период 1917–1918 годов накопилось немало. В такой ситуации большинство людей уходило с белыми и оказывались в эмиграции. Но если уж выбирали родину, то думали не о продолжении карьеры, а о том, как бы уцелеть. Однако Н.В. Чехов не был арестован в Воронеже, когда его покинули белые, а благополучно отбыл в Москву. Работал в системе Наркомпроса, стал действительным членом Академии педагогических наук. Умер 8 ноября 1947 года, похоронен на Ваганьковском кладбище. Тому обстоятельству, что воронежские деяния были преданы забвению, он обязан двоюродному брату Михаилу Степановичу Александрову (Ольминскому). Мать Ольминского, Ольга Николаевна Чехова (1837–1901), приходилась родной сестрой Владимиру Николаевичу Чехову (1835–1900). Ничто человеческое не было чуждо и большевикам.

В самом конце декабря 1918 года прошение на историческое отделение истфилфака подал Тихон Митрофанович Олейников (Ф. Р-33. Оп. 3. Д. 689). Прошло чуть более двух недель, и он попросил перевести его на словесное отделение. Вот его мотивировка: «Данная просьба вызывается тем обстоятельством,

что я уже прослушал словесное отделение в Петроградской духовной академии и мне хотелось бы ещё раз и более основательно прослушать предметы словесного отделения». Тихон Митрофанович родился 5 августа 1883 года в слободе Неровной Острогжского уезда в семье священника. Окончил Павловское духовное училище, в 1904 году – Воронежскую духовную семинарию, в 1908 – Петербургскую духовную академию. Прослужив два года в Новгородской семинарии, возвратился в Воронеж. Преподавал в семинарии, активно занимался церковной историей, с 1913 года возглавлял Церковный историко-археологический комитет. Редактировал ежегодник Комитета – «Воронежскую старину». В советское время работал в губернском архиве, в музее, преподавал в местном отделении Московского археологического института, затем на рабфаке ВГУ. Параллельно, как мы видим, и сам учился, повторяя русскую словесность. Студент был семейным: жена и трое детей. В его публикациях, кстати, затрагивались и филологические сюжеты: он ввел в научный оборот дневник учителя Н.М. Савостьянова, разыскивал материалы к биографии поэта А.П. Серебрянского, занимался генеалогией рода Чеховых. Одним из первых в Воронеже он написал о творчестве И.А. Бунина (1912). В Российском архиве литературы и искусства сохранились два его письма – к академику А.И. Соболевскому и к В.Г. Черткову. В 1930 году Олейников арестован по так называемому «делу краеведов», приговорен к пяти годам лагерей. По возвращении работал учителем русского языка и литературы в одной из школ в Семилуках. Умер после 1941 года.

В 1918 году на историко-филологическом факультете появился целый клан Олейниковых – три

Надежда Митрофановна
Олейникова

Николай Митрофанович
Олейников

брата и сестра. Первым прошение подал *Иван Олейников* (р. 4 января 1895). После окончания духовной семинарии в 1915 году он поступил в Юрьевский университет. В 1916 году призван в армию. 5 августа 1918 года просил восстановить для продолжения образования в Воронежском университете (Ф. Р-33. Оп. 3. Д. 687). В его личном деле сохранилась зачетная книжка Юрьевского университета с подписями профессоров Лаппо, Фельсберга, Тарле, Петухова, Релея.

16 сентября 1918 года примеру брата последовала слушательница Киевских женских курсов *Надежда Олейникова* (21.09.1893 – после 1928) (Р-33. Оп. 3. Д. 690), 14 октября 1918 года – иподьякон Троицкого Смоленского кафедрального собора *Николай Олейников* (р. ок. 1887), выпускник духовной семинарии (Р-33. Оп. 3. Д. 688). Последним на факультет пришел старший брат Тихон.

Чертковы воспринимаются нами как представители старинной дворянской семьи, очень много сделавшей для развития отечественной и местной культуры. Оказывается, эту же фамилию носили и крестьяне (я уже писал о Спиридоне Григорьевиче Черткове), и мещане, к каковым принадлежал интересующий нас студент *Михаил Дмитриевич Чертков*. Он родился 30 сентября 1898 года в селе Синие Липяги Нижнедевицкого уезда в семье мещан города Нижнедевица Дмитрия Иосифовича и Параскевы Андреевны Чертковых. Получив начальное образование, в августе 1914 года поступил в Воронежскую духовную семинарию, что тоже было редкостью. Подавляющее большинство семинаристов были выходцами из духовного сословия. Удостоверение об окончании четырех классов семинарии

Михаилу Черткову в августе 1918 года подписал исполняющий должность ректора Тихон Олейников. 1 августа 1918 года Чертков подал прошение на историко-филологический факультет и был благополучно зачислен (ГАВО. Ф. Р-33. Оп. 3. Д. 1003). 18 ноября 1918 года ему выдан входной билет. Как сложилась судьба носителя столь громкой и знаковой для Воронежа фамилии, мне не удалось узнать. Может быть, где-то учительствовал?

Не только жертвы репрессий сидели на университетской студенческой скамье, но и те, кто делал карьеру в карательном ведомстве. *Самуил Моисеевич Деноткин* возжелал сразу стать и медиком, и экономистом, а стал капитаном НКВД. Он родился в местечке Березино Минской губернии в 1899 году в семье врача. В самом начале XX века семья переехала в Воронеж. У Самуила был ещё старший брат *Савелий* (10.09.1895–28.03.1974). Оба они окончили вторую мужскую гимназию в Воронеже, пережили смерть родителей: Розалия Самойловна умерла 5 августа 1917 года, Моисей Сергеевич – в ночь на 5 декабря 1919 года от тифа. Савелий, ставший известным в Воронеже библиофилом, окончил медицинский факультет Харьковского университета, а Самуил поступил на такой же факультет в Воронеже (Р-33. Оп. 3. Д. 10284). В марте 1920 года он вступил в партию большевиков, что и положило начало его карьере. В ноябре 1921 года он просил зачислить его ещё и на экономическое отделение факультета общественных наук, хотя, как выяснилось, и с основной учебной не справлялся. В июле 1921 года он попросил оставить его на втором курсе медфака для повторного обучения, поскольку «общественная работа не позволила полностью отдать себя учебе».

Самуил Деноткин был секретарем комячейки ВГУ, занимал должности в райкоме партии, был военкомом госпиталя, заведовал клубом Губчека. Летом 1922 года он переехал в Москву, где продолжил учебу на экономическом отделении Института народного хозяйства. Но и этот институт он не окончил. С 1923 года он состоял на службе в ОГПУ, работал в экономическом отделе. С 1931 года Самуил Деноткин – начальник экономического управления Полномочного представительства ОГПУ по Средней Азии, в 1935 году возглавил управление НКВД в Республике немцев Повожья. С 1937 года работал в контрразведывательном отделе центрального аппарата НКВД. Арестован 25 октября 1938 года, расстрелян 4 февраля 1940 года по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР. По одним данным, реабилитирован в 1994 году, по другим – нет, что представляется более логичным, ибо он сам участвовал в репрессиях.

Довольно загадочна личность *Николая Михайловича Коробкова* (18.12.1897–18.12.1947), преподавателя Московского археологического института, Московского отделения Института материальной культуры. Родился в Москве в семье преподавателя гимназии, получил начальное домашнее образование. Учился Николаевском лицее. В 1913–1914 году был в Египте на раскопках в Долине гробниц. В 1918 году был оставлен при кафедре истории искусств Древнего Востока в Московском археологическом институте. Приехал в Воронеж как преподаватель местного отделения этого института. 18 января 1921 года подал прошение о зачислении на отделение истории искусств филологического факультета (Ф. Р-33. Оп. 3. Д. 476). «При сем присоединяю, что я окончил Парижский *Licée Charlemaque*, Московский археологический институт, Московский лицей имени цесаревича Николая и Московский юридический институт». Нельзя не удивиться четырем высшим образованиям, полученным в 24 года! Нетрудно предположить, что в ряде случаев слово «окончил» надо заменить словом «учился», это будет точнее. От военной службы у него была отсрочка до августа 1921 года. Своим воронежским адресом он указал помещение музея на Большой Дворянской.

В 1922 году Н.М. Коробков был арестован ОГПУ и приговорен к высылке на «философском пароходе», но ввиду тяжелой болезни («последняя

Михаил Дмитриевич
Чертков

стадия туберкулеза») она была отменена. С 1924 года – ученый консультант Центрального бюро краеведения, организует экспедиции по изучению регионов, издает разнообразные методические пособия. В 1926 году Николай Михайлович вновь арестован и сослан в г. Мологу Ярославской губернии. Здесь он проводит археологические раскопки, пишет исторический роман «Скиф», изданный в 1930 году. В 1932–1937 годах – ученый секретарь НИИ музейной и краеведческой работы, с 1942 года – вновь в этом же институте, заведующий отделом истории. В 1938 году без защиты диссертации получил степень кандидата исторических наук и звание профессора. В ноябре–декабре 1947 года – директор института (Кудрявцева Е.Б. Образование и первые годы существования института // *Культурологический журнал*. 2012. № 2. С. 9–12).

В биографии Коробкова не упоминается, что он ещё раз приезжал в Воронеж, но уже не по своей воле. 10 марта 1935 года он был арестован в Москве и доставлен в Воронеж. Обвинялся в том, что состоял в контрреволюционной организации «Союз спасения России» (создание его отнесено к началу 1920-х годов) и к этому моменту даже возглавлял его. В Воронеже были арестованы отец и сын Коробовы, из Ленинграда привезены И.В. Дурасов и А.Н. Петров, из Москвы – Т.С. Говсепиан. Все они раньше жили в Воронеже. В октябре 1935 года Коробкова выпустили из тюрьмы под подписку о невыезде из Москвы под поручительство сестры Нины Михайловны. Решением Особого совещания при НКВД 4 декабря 1935 года все обвиняемые были сосланы на три года в Красноярский край. Н.М. Коробков направлен на принудительное лечение, но две недели спустя оставлен у сестры для амбулаторного лечения (ГАОПИ ВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. 17173).

Оставшись в Москве, Н.М. Коробков продолжил научную работу. В предвоенные и военные годы он подготовил ряд сборников документов о Кутузове, Румянцеве, Семилетней войне, издал популярные биографии вице-адмирала Корнилова, Кутузова, Суворова, более серьезные работы о Семилетней войне и русском флоте. Данью интереса к Египту стала книга «Страна гробниц». Умер в Москве в день своего пятидесятилетия, похоронен на Ваганьковском кладбище в Москве.

... Пестр и многолик был мир университетского студенчества.